

АНДРЕЙ МАЙДАНСКИЙ

«Не отомрет, с-собака!»

Э. В. Ильенков о государстве

Я не призываю к замене государства библиотекой — хотя мысль эта неоднократно меня посетила...

Иосиф Бродский. Из Нобелевский лекции.

В своей «Экспериментальной философии» А. В. Суворов поделился интересным воспоминанием. Прочитав «Государство и революцию», он задал Ильенкову вопрос: почему социалистическое государство не отмирает, как то планировали основоположники, а, наоборот, укрепляется и развивается. «Эвальд Васильевич слушал, не перебивая, сгорбившись больше обычного, как бы оцепенев... И когда я договорился, в сущности, до необходимости новой революции, раз “государство без посторонней помощи не отомрет”, Эвальд Васильевич энергично подтвердил: “Не отомрет, с-собака!”».

На бумаге-то у отцов «научного коммунизма» все выходило просто: как только пролетариат расправится с буржуазией, государство сразу же начинает «отмирать» — за полной ненужностью. Его управленческие функции перейдут к трудя-

щимся, а политические испарятся, как дым. Но это уже потом, когда общество станет бесклассовым. Поначалу же государство пролетариям очень пригодится. В «Манифесте коммунистической партии» мы находим план *тотального огосударствления* экономики «наиболее передовых стран»: экспроприация земли, централизация финансового капитала с «исключительной монополией» государства и как финальный аккорд — «отмена права наследования», что уже через одно поколение привело бы к переходу всей промышленности, недвижимости и транспорта в государственную собственность.

Любой из десяти коммунистических рецептов «Манифеста» без особого труда можно найти в *утопиях*, от Мора до Фурье. У последнего заимствуется и термин для описания организации процесса производства: «промышленная армия». Лозунг «До-

МАЙДАНСКИЙ Андрей Дмитриевич — профессор Белгородского государственного университета, доктор философских наук.

Ключевые слова: государство, прямое общественное самоуправление, гражданское общество, марксизм, коммунизм, Эвальд Ильенков, К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, М. И. Бакунин.

лой наследование!» отстаивали сен-симонисты¹.

Однако Фурье резко возражал. Более того, даже Ленин и Мао не решились осуществить некоторые рекомендации «Манифеста». Быть может, не сочли свои народы достаточно «передовыми» для подобных реформ. Но суть они ухватили совершенно верно: абсолютная монополия государства. Свершив свой первый и последний «самостоятельный акт» — экспроприацию средств производства, общенародное государство сделается излишним и «уснет само собою», предрекал Ф. Энгельс.

Прежняя, буржуазная государственная машина не годилась для этой высокой цели. После пролетарской революции ее надлежит немедленно «разбить, сломать, уничтожить, разрушить». Ленин твердит эти слова, как мантры, на каждой странице «Государства и революции» (1917). В пролетарском государстве, в отличие от всех прежних, не должно быть профессиональных каст чиновников и военных. Исторический пример такого *отмирающего государства* Ленин усматривал в Парижской коммуне. Комментируя слова Энгельса, что эта «коммуна не была уже государством в собственном смысле», Ленин формулирует смелую гипотезу: «И если бы Коммуна упростилась, то в ней *сами собой* “отмерли” бы следы государства, ей бы не надо было “отменять” его учреждений: они перестали бы функционировать по мере того, как им становилось бы нечего делать (курсив мой. — А. М.)»².

¹ «Право наследования, ныне ограниченное пределами семьи, должно перейти к государству, превращенному в *ассоциацию трудящихся*» («Изложение учения Сен-Симона». М.; Л., 1947. С. 244–245). На Базельском конгрессе I Интернационала М. Бакунин провозгласит отмену наследования исходным пунктом создания социалистического общества.

² См. **В. И. Ленин**. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. — **Он же**. Полн. собр. соч., Т. 33. М., 1969. С. 66.

Сегодня только самые верующие ленинцы подпишутся под этим «als ob». Судьба массы свершившихся пролетарских революций не дает оснований для оптимизма. И та парижская революция, наверное, пожрала бы своих детей-коммунаров. Богатый на эксперименты XX век не явил миру и одного успешного опыта *прямого, негосударственного* народовластия. Революционным (пост)марксистам приходится выискивать «абсолютную демократию» с микроскопом, где-нибудь «в рабочих кварталах Милана 70-х годов» (Антонио Негри). У Ильенкова же надежды на отмирание государства, если таковые и были, рассеялись к концу 1960-х. В письме к Жданову — все его думы о том, как примирить рынок и государство, разграничив их полномочия. Точнее, как *спасти рынок* от разрушительной «диффузии» с (социалистическим) государством. В категориях диалектической логики государство характеризуется как начало «Абстрактно-Всеобщее, то бишь мнимо-всеобщее». А к власти в нем возвращается «всякая нечисть, ничего не забывшая и ничему не научившаяся, только сделавшаяся еще злее и сволочнее, поскольку проголодалась»³.

В конфликте рынка и государства симпатии Ильенкова на стороне рынка. Обе эти общественные машины представляют «частичный труд», но делают они это полярно противоположным образом. Рынок — прямо и честно, государство — криво и лживо, выдавая себя за конкретно-всеобщее. Дилемма в формулировке Ильенкова такова: «Рынок или его полярная противоположность — частичность под маской Всеобщего? Частичность, возмнившая себя непосредственной всеобщностью, или же частичность,

³ «Э. В. Ильенков: личность и творчество». М., 1999. С. 258.

честно понимающая, что она частичность и ничего более?» Сама постановка вопроса делает ответ очевидным. Ильенков призывает восстановить в правах рыночную машину, смирившись с органически свойственными ей уродствами — такими, как разделение труда, эксплуатация и эффект взаимного «отчуждения» людей, стихийность и циклические кризисы, *et cetera*: «На рынке пусть господствуют законы *рынка*. Со всеми их минусами. Ибо без этих минусов не будет и плюсов»⁴.

Предлагаемый Ильенковым «относительно-разумный “синтез”» двух бесчеловечных машин не имеет ничего общего с самоуправляемой коммуной парижского образца, которую мечтали учредить Маркс и Ленин. По всей видимости, Ильенков равняется на шведскую или австрийскую модель общественного устройства: капитализм/социализм «с человеческим лицом» — гибрид «честной» рыночной и «мнимо-всеобщей» государственной форм собственности.

Конструировавших подобные (конвергентные) модели теоретиков Ленин осмеивал и клеймил, не стесняясь площадных «терминов». Равно как и своих бывших соратников, усомнившихся в целесообразности немедленного революционного уничтожения рынка и государства. Среди них — «печально знаменитый русский ренегат марксизма» Плеханов, «извративший марксизм» оппортунист Каутский и масса других, не столь крупных фигур. Ни о каком «синтезе» рынка и государства Ленин до Октябрьской революции и слышать не желал. «Разбить, сломать, уничтожить, разрушить» обе эти машины эксплуатации человека человеком — такова исходная ленинская платформа. Буржуазное государство

и рынок подлежат немедленной ликвидации, а государство пролетариата само отомрет, сломив сопротивление эксплуататорских классов.

Положение об отмирании государства — главный просчет классического марксизма, его ахиллесова пята. Пролетарские революции, все до единой, привели к колоссальной гипертрофии государства. Одно даже сделалось «сверхдержавой».

Так революция,
Перетряхая классы,
Усугубляет государственность:
При каждой
Мятежной спазме одичалых масс
Железное огорлие гаротты
Сжимает туже шейные хрящи⁵.

Мечта Маркса «превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный»⁶, сбылась с точностью до наоборот. Процесс отмирания государства в смысле делегирования им своих полномочий трудящимся массам так и не начался. Если что и отмирало, так это «гражданское общество» — формы экономической и политической самодеятельности, добытые в ходе буржуазно-демократических революций. Дряхлели и «отмирали» один за другим генсеки. Государство же, этот Левиафан — *Deus mortalis* (смертный Бог), по выражению Гоббса, — лишь видоизменялось, мутировало, то уступая часть полномочий рынку, то отбирая их обратно себе.

Государственная вертикаль и рыночная горизонталь — таковы две оси, «икс» и «игрек», на координатной плоскости буржуазной общественно-экономической формации. В этой плоскости целиком размещается и *реальный* социализм. Акцент обще-

⁵ Строки из стихотворения М. Волошина «Путями Каина», которое цитировал Ильенков. «Каиновым братством» поэт именовал *пролетариат*.

⁶ **К. Маркс.** Критика Готской программы. — **К. Маркс, Ф. Энгельс.** Сочинения. Изд. 2. Т. 19. С. 26.

⁴ Там же. С. 260.

ственного развития резко сместился на вертикаль, следствием чего и стала «диффузия государства и рынка», которой так опасался Ильенков. Было бы глупо отрицать немалые достижения государств «социалистического лагеря», но еще более глупо провозглашать *новой формацией* экономически отставший (прежде всего в плане производительности труда) и уничтоживший множество «степеней свободы» личности общественный строй.

Истматовский постулат о том, что капитализм и социализм принадлежат к двум разным экономическим формациям, покоился на иллюзии, которая еще и сегодня владеет умами значительной части левых идеологов: *собственность государства не является частной собственностью*. Или по крайней мере она перестает быть частной, когда у руля государства встает пролетарская партия и ликвидирует буржуазию как класс. Коль скоро собственность не принадлежит частным лицам и используется в интересах всего народа, значит, она *общенародная*...

Ильенков, как мог, бился с этой — столь же мощной практически, сколь убогой теоретически, — иллюзией. Учрежденную пролетарской революцией форму собственности он называл *абстрактным, формально-юридическим* отрицанием частной собственности. В конкретной же сути своей собственность как была, так и осталась *частной*. Он доказывал, что монополия государства на условия труда не только не упраздняет частную собственность, но, напротив, возводит ее в степень всеобщности. Природу этой «*всеобщей* частной собственности» (das *allgemeine Privateigentum*) исследовал еще молодой Маркс. Коммунизм, требовавший перехода частной собственности от частных лиц к государству, он име-

новал «грубым и неосмысленным». Присвоившее общественное богатство государство есть «*общество как всеобщий капиталист*»⁷. Государство не просто *служит* интересам господствующего класса, оно *само есть всеобщий, идеальный капиталист*. А «грубые коммунисты» (Кабе, Дезами, Вейтлинг и др.) намерены вручить ему в монопольную собственность все средства производства и иные общественные богатства...

Реального обобществления собственности в этой акции нет и в помине. Огосударствление собственности есть *отношение универсальной проституции с обществом* (das Verhältnis der universellen Prostitution mit der Gemeinschaft)⁸. При этом государство выступает в роли сутенера. Оно получает доход, сводя работника с объективными условиями труда. Сводничает за деньги, как всякий капиталист. Коммунизм такого рода молодой Маркс расценивал как «*форму проявления* гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве *положительной общности*»⁹.

⁷ «Die Gemeinschaft ist nur eine Gemeinschaft der Arbeit und die Gleichheit des Salairs, den das gemeinschaftliche Kapital, die Gemeinschaft als der allgemeine Kapitalist, auszahlt» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Ergänzungsband Schriften bis 1844. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Werke. Bd. 40. Berlin, 1968. S. 535). В русском издании «Gemeinschaft» переведено словом «община» (нем. «Gemeinde»). Очевидно, так хитроумные мужи из Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС решили затушевать убийственную аттестацию *своего*, реального социализма. Якобы Маркс имел в виду *общинный* коммунизм. Кроме одного этого места (см. К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 42. С. 115), в рукописях 1844 года «Gemeinschaft, gemeinschaftlich» словами «община, общинный» больше не переводилось.

⁸ «Подобно тому, как женщина переходит ко всеобщей проституции, так и весь мир богатства, т. е. предметной сущности человека, переходит от исключительного брака с частным собственником к универсальной проституции со всем обществом» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинений. Т. 42. С. 114).

⁹ Там же. С. 116.

В XX столетии это гнусное желание исполнилось в Советском Союзе и примкнувших к нему странах «соцлагеря». Процесс отчуждения собственности здесь завершился, сделавшись абсолютным: отчуждение не распределяется больше между классами общества, но охватывает общество в целом. *Государственный коммунизм есть абсолютный капитализм.*

С устранением классового неравенства людей противоречие труда и собственности отнюдь не снимается. Наоборот, обостряется до предела: теперь *каждый индивидуум* является и работником, и собственником предметных условий труда. Из плоскости взаимоотношений социальных классов отчуждение смещается внутрь личности: трудящийся человек противостоит *самому себе* как собственнику, подобно товару, находящемуся одновременно в двух взаимоисключающих стоимостных формах — относительной и эквивалентной.

Под давлением данного противоречия социалистическое общество расслаивается на работников и управляющих. Последние выполняют роль посредников в процессе производства (так же, как некоторым товарам достается функция посредников, денег, в товарном обмене). А одному из их числа суждено сделаться «всеобщим эквивалентом» — *вождем*, принимающим решения и выносящим оценки от имени общества в целом. В связи с этим бросается в глаза сходство социалистических культов вождей и партий с «товарным фети-

шизмом», описанным в первой главе «Капитала»: мистификация общественных отношений, ставящая их с ног на голову, с характерным превращением *посредника* — вождя, компартии, денег ли — в предмет поклонения, *земного бога*. Культ личности, безличности и наличности.

Частное и абстрактно-всеобщее в обличье коллективного, конкретно-общественного, — таков *социалистический псевдоморфоз* собствен-

С устранением классового неравенства людей противоречие труда и собственности отнюдь не снимается. Наоборот, обостряется до предела: теперь *каждый индивидуум* является и работником, и собственником предметных условий труда. Из плоскости взаимоотношений социальных классов отчуждение смещается внутрь личности: трудящийся человек противостоит *самому себе* как собственнику.

ности¹⁰. Государство по самой своей природе есть институт частной собственности, ее *сверхличная* разновидность. Плоть от плоти разделенного труда, государство всегда и всюду *мешает, препятствует реальному обобществлению* труда и собственности. Во всех без исключения обществах буржуазной формации государство — крупнейший частный собственник (по сравнению с любым человеком). Социализм превраща-

¹⁰ См. А. Д. Майданский. Логика исторической теории Маркса: реформация формаций. — «Логос». 2011. № 2. С. 140.

ет государственную собственность в *монополию*, только и всего. С характерной для монополии «тенденцией к загниванию» и вырождением гражданского общества в «скотный двор».

Пока разделенный труд (а следовательно, и частная собственность, ибо в сущности это — одно и то же) необходим обществу, с ним пребудет и государство — институт-посредник, связующий специалистов при помощи специалистов (в области управления). Другим, конкурирующим посредником является рынок, институт саморегуляции товарно-денежных отношений. Невидимая рука рынка и видимая рука государства тянут одеяло экономики каждая на себя. Балансом власти этих конечностей и определяется *форма* капиталистической собственности. Вся палитра обществ буржуазной экономической формации лежит между двумя крайними полюсами — принципами *laissez faire* и госплана.

Ильенков считал государственную собственность «первым (хотя и необходимо первым) шагом на пути к созданию общества без государства»¹¹. Каким же образом переход овеществленного общественного богатства (капитала) из рук «честно-частных» лиц и классов во власть безличной, «мнимо-всеобщей» Машины может приблизить человечество к «царству свободы»? Этого нам Эвальд Васильевич не объяснил. Движение от *адекватной* («честной», в терминологии Ильенкова) формы частной собственности к ее же *неадекватной*, «мнимо-всеобщей» форме никоим образом

не есть восхождение от абстрактного к конкретному. Это — скорее *деградация абстрактного*, историческая регрессия частной собственности.

Государственная (безлично-частная) собственность намного раньше достигла исторической зрелости, расцвела уже в Древнем Египте. Между тем как «честная», индивидуально-частная форма собственности утвердилась в качестве господствующей всего лишь полтысячи лет тому назад. Историческим вектором развития частной собственности до недавнего времени была ее *индивидуализация*, увенчанная возникновением буржуазно-капиталистической собственности на условия труда. Последняя образует *наивысшую* форму развития частной собственности (доказано Марксом). Дальше частной собственности развиваться некуда — разве что деградировать.

Маркс полагал, что капитал уже исчерпал свои возможности как фактор роста производительных сил, из стимула превратился в «оковы». Ошибочность этой оценки сегодня очевидна. За полтора столетия после его знаменитого пророчества («Бьет час капиталистической частной собственности» и т. д.) капитализм совершил грандиозную научно-техническую революцию, создав производительные силы, которые и не снились автору «Капитала». Причем *эта* буржуазная революция — в сравнении с которой все пролетарские революции вместе взятые выглядят лишь суетой сует — далеко еще не окончена.

С первой зарей компьютерной эры рождается план заменить государственную машину *суперкомпьютером*. Не желает машина отчуждения отмирать «сама собой»? Так построим другую, электронно-вычислительную, и вручим ей все функции государства — от планирования до оперативного руководства общественной

¹¹ «Разделение труда и частная собственность, это — тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом — по отношению к продукту деятельности» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Мецкая идеология. — Они же. Сочинения. Т. 3. С. 31).

¹² Э. В. Ильенков. Маркс и западный мир. — «Вопросы философии». 1988. № 10. С. 107.

жизнью. Ильенков со товарищи насмеялись над этой технократической утопией: «Когда некоторые люди думают, что вся проблема заключается в том, чтобы просто заменить нынешние государственные органы мыслящими — планирующими и управляющими — *машинами*, ящиками вроде холодильников, они становятся на почву своеобразной кибернетически-бюрократической иллюзии, мифологии. Они думают, что коммунизм можно построить на пути математически-электронного усовершенствования нынешней системы отношений, т. е. на пути *увечивания нынешнего положения дел*, на пути передачи нынешних управленческих функций государственной машины не демократически организованному человеческому коллективу, а другим машинам»¹².

Не Машина, а Человек, *реальные личности* должны планировать и регулировать свои человеческие отношения. Для коммуниста-марксиста эта аксиома не требует доказательств. Вопрос в том, что для этого требуется. Нужно лишь *научиться*, отвечал Ленин. «Учиться коммунизму» не только за школьной партой, но прежде всего практически. Массы людей должны *непосредственно, напрямую* участвовать в управлении общественными делами: «Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности... Социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»¹³.

Педагогическая затея Ленина провалилась. Сталинизм лишь засвидетельствовал постфактум ее полный крах. Не только из-за того, что кос-

ные массы не умели или не желали учиться. И даже не потому, что демократия масс, как показал еще Платон, неминуемо заканчивается тиранией демагога (*греч.* «вождь народа»). Современным обществом попросту невозможно управлять *вручную*, как утюгом или велосипедом. Для эффективного управления требуются все более сложные *машины и технологии*. Ну и обслуживающие их «машинисты», само собой.

Эту простую истину отверг, не принял Ильенков. Продолжал верить в могущество педагогики (хотя ему, в отличие от Маркса и Ленина, история уже приоткрыла *конкретное, технически осуществимое* решение проблемы отмирания государства). Опираясь на достижения культурно-исторической психологии, педагогическая наука призвана воспитать ту критическую массу универсально развитых личностей, что необходима для «обратного присвоения, отвоевания» у машин (государства и рынка) человеческих функций и нашей «предметной сущности» (собственности), полагал Ильенков. С конца 1960-х годов, когда государство поставило жирный крест на «живом творчестве масс», философ вплотную занялся педагогическими экспериментами на «синхрофазотроне» Загорского интерната для слепоглухих детей.

Могла ли иметь успех попытка воспитать *массы* творческих, разносторонне развитых личностей в то время, когда советская экономика задыхалась от нехватки пролетариев и перепроизводства интеллектуалов? Не от хорошей жизни государство отправляло инженеров и врачей собирать лук и картошку. Поэт Высоцкий, хрипя, осмеивал сей абсурд из каждого окна. А философ Ильенков тем временем призывал «Учиться мыслить!» всех поголовно... Педагогическая утопия, ослепившая не один светлый

¹³ А. С. Арсеньев, Э. В. Ильенков, В. В. Давыдов. Машина и человек, кибернетика и философия. — «Ленинская теория отражения и современная наука». М., 1966. С. 280.

¹⁴ В. И. Ленин. Ответ на запрос левых эсеров. — Он же. Полное собрание сочинений. Т. 35. С. 57.

ум, — мощнее и опаснее, чем технократическая, ибо использует энергию гуманистического идеала. При этом обе они не имеют ничего общего с *материалистическим* пониманием истории.

Как все идеальное, человеческая личность представляет собой лишь отражение общественного бытия, процесса производства материальной жизни общества. Для воспитания самодетельных универсальных личностей необходимо изменить условия их *материального бытия*, и прежде всего — характер человеческого труда. Должен прекратиться, навсегда исчезнуть с лица земли *вещный, абстрактный труд*. Пока существует «труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека» (Маркс), сохраняется и *овеществление* отношений между людьми (частная собственность, рынок, государство и пр.). В мире вещного труда коммунистические отношения между людьми в принципе невозможны. Вещный труд диктует *частные* формы присвоения условий и продуктов труда.

Это свое открытие Маркс первым же и проигнорировал. Марксизм как *политическая* доктрина не дружит с *историко-материалистической* теорией Маркса. Никакие диктатуры и коммуны не в силах устранить вещный характер труда, а значит, и частную собственность, рынок и государство. Такая задача по силам лишь *автоматически действующим машинам*. Как только они сведут на нет *вещный труд*, тотчас «уснет сам собой» и капитализм: ведь капитал и есть не что иное, как *овеществленный труд*.

Разговоры про то, как капитализм осложняет, сковывает, тормозит развитие технологий, длятся со времен Маркса, добрых полторы сотни лет. Все это время сами коммунисты занимались луддитством — ломали ры-

нок и государство, строили ГУЛАГ и берлинские стены, изобретали новые бесчеловечные формы эксплуатации пролетариата, сбывали «буржуйам» сырье, драгоценности и предметы искусства. Полунищая страна, едва пережив опустошительную войну, сумела первой в мире запустить АЭС и выйти в космос, создать мощную систему образования и спорт высоких достижений, вооружить первоклассную армию — но... безнадежно отстала в той самой отрасли, которая могла приоткрыть двери в «светлое будущее». Компьютерная революция случилась на буржуазном Западе.

Как именно тотальная компьютеризация производства скажется на Человеке? Вот вопрос. Не сменится ли старое рабство у машин рынка и государства новым и, если верить иным футурологам, еще более страшным игом электроники и робототехники? Опасения эти проистекают из ложного, справедливо осмеянного в памфлете Ильенкова¹⁵ представления о «Машине умнее Человека». Компьютер прекрасен тем, что у него напрочь отсутствуют любые человеческие качества, в том числе разум. Единственное, на что он способен, — это считать до одного. Выстраивать в ряды нолики с единицами. Выстраивать же в ряды нас, человек, как это делают рынок и государство, компьютеру не дано. Зато, в отличие от рынка и государства, цифровая машина отлично, просто замечательно, поддается *программированию*. Она для того и создана. Эти качества ЭВМ делают ее идеальной кандидатурой для замещения древних социальных мегамашин — государства и рынка.

¹⁵ См. Э. В. Ильенков. Тайна Черного Ящика. — «За советскую науку». 1964. № 8. С. 3—4. Расширенная версия памфлета вошла в книгу «Об идолах и идеалах» (см. Э. В. Ильенков. Об идолах и идеалах. М., 1968).

Ильенков формулировал загадку истории так: «Проблема состоит в том, чтобы Человеку возвратить утраченную им власть над миром машин, чтобы превратить Человека в умного и сильного Господина и Хозяина всего созданного им грандиозного, хитроумного и могучего механизма современного машинного производства, чтобы *Человека сделать умнее и сильнее, чем Машина* (курсив мой. — А. М.)»¹⁶. Коротко говоря, для этого нужно *сделать Машину глупее и слабее, чем Человек*. Машину, начисто лишенную творческих сил, способную действовать лишь по готовой, написанной человеком программе. Машину, вся *сила* которой заключается в *слабости* по сравнению с Человеком. А потом совершенствовать и развивать ее «сильные слабости» до тех пор, пока ЭВМ не вытеснит из общественного бытия *человекообразные* машины рынка и государства. Вытеснит не толчком извне, как сумоист своего противника, а пронизав рынок и государство изнутри — *оцифровав* их с головы до пят. Те могут отмирать не иначе, как в процессе бинаризации, информатизации, виртуализации их незримых властных структур. Цифра убивает все живое, как Медуза Горгона, одним своим взглядом. Оцифрованное государство — это уже не государство — так же, как лошадиная сила в двигателе — уже не лошадь. Этот исторический процесс «отмирания» не так давно стартовал, прямо на наших глазах.

Разве можно «убить дракона», втянув в государственные дела все население? Даже если, «зажмури́в» ум, допустить, что каждая кухарка *научилась* управлять государством... Управляема ли эта машина вообще? Ленин верил, что да, но доказательств не представил. Государственная машина

раздавила его мечту о всемирной коммуне, как только Ленин лично встал у кормила власти. Другой большевик, А. А. Богданов, вознамерился управлять государством *научно* — при помощи «всеобщей организационной науки», тектологии. Его утопическое начинание в 1960-е годы подхватят идеологи «системного подхода», в том числе близкий друг Ильенкова П. Г. Кузнецов.

Попытки коммунистов *рулить* рынком и государством по своему хотению, по ленинскому велению кончались всегда одинаково: то стране руки-ноги отдавит, то вождам — головы. Газ и тормоз есть, можно ускорить или замедлить машину, но рулить не выходит, как ни старайся. Вместо руля там — автопилот. А вот нами, живыми людьми, эти машины управляют с легкостью, отбирая и дрессируя на юрфаках, в академиях госслужбы и органах госбезопасности подходящие «государственные умы». Пока существует государственная машина, Человек обречен оставаться ее шестеренкой и винтиком, *гражданином машины*. Единственная сила, способная ей противостоять, — это другая машина, рыночная.

Удостоверившись в бессилии Человека перед лицом созданной человеческим трудом машинерии, Ильенков впал, по его собственным словам, в «ипохондрию». Предложение вернуться к «господству законов рынка, со всеми их минусами», сделано философом не от любви к товарно-денежной Машине, а от безысходности: хотя бы так ослабить всевластие государственной Машины над живой человеческой личностью.

Конкуренция мегамашин — дело полезное. Еще полезнее — вовлечь массы людей в управление общественными делами. Однако проблему отмирания государства и рынка так не решить. Тем более ее не решишь гру-

¹⁶ Э. В. Ильенков. Об идолах и идеалах. С. 36.

бой силой. Нет — конечно, «сломать, разбить, разрушить» можно любую машину. Рынок и государство тоже. Что из этого вышло, наглядно показал Октябрь 1917-го. Очень скоро пришлось новоявленным луддитам кое-как, наспех склеивать сломанную Машину из уцелевших осколков. На свет в итоге явился монстр пострашнее старорежимного Левиафана. Индустриальный киборг, давивший людей, как клопов, без счета.

Оказывается, нельзя просто взять и заменить Машину Человеком — ни в промышленности, ни в сфере управления общественной жизнью. Человек не в состоянии выполнять функции машины, да и незачем ему это делать. Общественное самоуправление в глобальном масштабе возможно не иначе, как *с помощью машины*. Вопрос лишь в том, какая конкретно деятельность при этом остается за Человеком, а какую можно и нужно передать «Машине глупее Человека».

Ломать машины — луддитство и вандализм. Даже такие сверхличные машины отчуждения, как рынок и государство. Любая машина есть часть человеческого существа. Ломая ее, Человек портит и уродует *сам себя*, теряя долю своей производительной силы. Государство и рынок в течение многих тысячелетий были необходимы людям и принесут еще много пользы, невзирая на все их врожденные «минусы».

«Совпадают ли автоматически интересы развития техники с развитием живого человека? Да или нет?» — вопрошал читателя Ильенков¹⁷. *Автоматически* — нет: ведь одна и та же машина может лечить и калечить, ломать и строить, поднимать ввысь и бить людей оземь. *Интегрально* — да: ведь развивая технику, человек разви-

вает *себя*. Глобальные проблемы и риски, создаваемые техникой, могут быть устранены лишь посредством развития самой техники. Создашь более совершенную Машину, тогда (и только тогда!) менее совершенные «отомрут сами собой», за полной ненужностью. Только так, *совершенствуя технику*, и никак иначе, возможно «отправить всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором» (Энгельс)¹⁸.

Попытки же Человека, отобрав у Машины власть, выполнять *самоллично*, своими руками и головой, все до единой функции *Машины* («прямая демократия» Ленина и Маркса) не могут закончиться добром. Вновь выйдет, как в грустном анекдоте про «народную космическую ракету»: миллион китайцев получили грыжу, и еще миллион раздавлен обломками. Великая историческая роль разделения труда заключается в том, что все *человеческое* отделяется от *машинного*, творческое — от рутинного и механического, а потому доступного программированию. Первое Человек сохранит за собой, а второе целиком и полностью оставит в удел Машине. Человек делается *программистом*. Таков принцип прогресса и в экономике, и в политике, и во всех прочих областях общественной жизни.

С машинами рынка и государства Человеку предстоит проделать то же самое, что он уже сегодня проделывает с машинами на автоматизированных фабриках. Все человеческие, *программные* функции государства взять на себя, а механические — передать *программируемым* машинам. (Не нужно бояться «бунта роботов»

¹⁷ Э. В. Ильенков. Почему мне это не нравится. — «Культура чувств». М., 1968. С. 35.

¹⁸ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 21. С. 173.

и тому подобных сюжетов, антропоморфизирующих цифровые машины. Прелесть этих машин как раз в том, что они *в принципе* не способны выполнить ни одной человеческой функции, даже самой простенькой. Опасаться надо плохих программистов.)

Так и только так ликвидируется пресловутое «отчуждение труда», когда абстрактный, вещный, нетворческий труд выпадает на долю работника, а конкретный — планирование и управление производством жизни — достается машинам рынка и государства. Отчуждение «снимается» не иначе как *развитием техники*, преодолевается благодаря созданию машин нового типа, автоматов, способных взять на себя абстрактный труд пролетария и позволяющих себя программировать. С их помощью люди смогут планировать и управлять своими отношениями друг к другу так же грамотно и свободно, как процессами внешней природы.

Чем более *персональным* делается главное орудие производства — компьютер, тем более *личностный* характер приобретает сам процесс общественного труда. Вместе с тем сходит на нет отчуждение человека от условий (а значит, и продуктов) его труда. Персональный компьютер позволяет каждому индивиду *напрямую*, минуя сверхличные институты-посредники, участвовать в общественном производстве и делать доступным продукт своего труда для всех заинтересованных лиц, для общества в целом.

Аксиома материалистического понимания истории гласит, что производственные отношения (в том числе отношения собственности) должны соответствовать уровню развития и характеру производительных сил. В таком случае «*индивидуальная* собственность на основе... кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами

производства (курсив мой. — А. М.)»¹⁹ сменит собственность частную не раньше, чем *индивидуализируется* сам процесс производства.

Индивидуализируя общественный труд, *персональный* компьютер тем самым отмыкает человечеству двери в вожаемое «царство свободы». В то время как «*централизация* средств производства», в коей усматривал зародыш новой формации Маркс, вела лишь к *монополизации* собственности. Централизованное производство продемонстрировало превосходную, практически идеальную совместимость с «капиталистической оболочкой», то есть с отношениями частной собственности на условия труда. На этом просчете покоились мессианские грезы Маркса о мировой революции и отмирании государства. Они не лишают Маркса статуса величайшего мыслителя и гуманиста — Коперника в «науке истории»²⁰. Но все же эти грезы надо рассеять, ибо до сих пор на свете полно марксистов, которые ими живут и мыслят.

Коперниканским открытием Маркса стало положение о труде как первоисточке всемирной истории. Машины же и технологии задают орбиты, по которым общества разных формаций вращаются вокруг «солнца труда». На орбиту коммунизма человечество выведет *программируемая машина*, движимая прирученными силами природы и исключаящая любой вещный труд. Пока такой машины нет, «мировой коммунизм» был, есть и пребудет чистой воды *утопией*.

Но даже такой, утопически-коммунистический *идеал* лучше — возвы-

¹⁹ См. К. Маркс. Капитал. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. С. 773.

²⁰ Такая аналогия вполне уместна, учитывая, что и у самого Коперника было немало теологических фантазий (о Солнце как «видимом Боге» и т. п.), число которых изрядно приумножат Кеплер и Ньютон.

шеннее и благороднее, чем теоретическое преклонение перед *идолами* машин рынка и государства. Либералы и этатисты, «рыночники» и «государственники» — две конкурирующие секты идолопоклонников. На это нам (по крайней мере мне лично) открыл глаза Ильенков. Интересы рынка и государства суть интересы *машин эксплуатации человека*, лишь отчасти совпадающие с интересами общества, важнейший из которых — интерес развития *личности* как «ансамбля общественных отношений».

Сказанное прямо касается и отечественного Кремля, выдающего

себя за «конкретно-всеобщее», за самое наше Отечество. Любую машину, в том числе и кремлевскую, можно и нужно изучать, чинить и усовершенствовать (или, как сейчас говорят, «делать тюнинг» — чтобы не так походила на броневик) до той поры, пока не создана послушная Человеку Машина, при помощи которой он сумеет построить новое общество — «без денег и без государства, этих “отчужденных” образов всеобщности, подлинной *общественности* отношений человека к человеку...», заменяемых организацией *самоуправления*» (Э. В. Ильенков)²¹. ◆

²¹ Э. В. Ильенков. Маркс и западный мир. С. 109.